

ВОСПОМИНАНІЕ О ШТУРМѢ КАРСА.

(17 СЕНТЯБРЯ 1855 ГОДА.)

Въ событіяхъ Восточной войны, крѣпость Карсъ пріобрѣла особую важность и значеніе. Расположенная въ центрѣ обширнаго стратегическаго фронта турецкой арміи, почти на самой границѣ, она угрожала предѣламъ Закавказья и служила Туркамъ надежнымъ опорнымъ пунктомъ. Поэтому, въ теченіе трехъ кампаній (въ 1853, 1854 и 1855 годахъ), всѣ дѣйствія за Кавказомъ вращаются преимущественно около этой крѣпости.

Послѣ нѣсколькихъ пораженій въ 1853 году, Турки находили въ Карсѣ надежное убѣжище; оправившись отъ своихъ неудачъ, они, съ удвоенными почти силами, выступали весною 1854 года и появлялись на тѣхъ же, приблизительно, мѣстахъ, на которыхъ, въ предшествовавшую кампанію, понесли самыя рѣшительныя пораженія.

Необходимость покоренія Карса была очевидна. Въ 1853 и 1854 годахъ, русскія войска не могли рѣшиться на это важное предпріятіе по своей малочисленности, позднему времени года и другимъ обстоятельствамъ, сопряженнымъ съ общимъ ходомъ Восточной войны, такъ что и послѣ курюкъ-даринскаго и чолокесскаго пораженій, Турки остались обладателями Карса, но уже не выходили изъ своего оборонительнаго положенія.

Весною 1855 года, главнокомандующій, генераль-адъютантъ Муравьевъ, усиливъ отряды, расположенные на кавказско-ту-

репкой границѣ, рѣшился начать наступательныя дѣйствія, главною цѣлью которыхъ было покореніе Карса.

Предвидя, что, въ началѣ весны 1855 года, Русскіе будутъ дѣйствовать противъ Карса, Турки обратили особенное вниманіе на усиленіе его обороны. По указанію полковника Вилліамса и генерала Кмети и подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, карсскій гарнизонъ дѣятельно и съ необыкновенною для Турокъ энергіею занялся устройствомъ земляныхъ укрѣпленій на высотахъ, окружающихъ городъ, и на равнинѣ праваго берега рѣки Карсъ-Чая. Работа продолжалась и въ то время, когда палатки русскаго лагеря уже бѣдѣлись въ виду города.

Англійскіе инженеры умѣли воспользоваться всѣми выгодами карсской мѣстности. Высоты, окружающія городъ съ трехъ сторонъ, были сильно укрѣплены. На лѣвомъ берегу рѣки Карсъ-Чая, на *Шорахскихъ* высотахъ, нѣсколько редутовъ сильной профили, соединенныхъ куртнами, были вооружены артиллеріею большаго калибра и приспособлены къ перекрестной оборонѣ. Другая линія укрѣпленій, тоже на лѣвомъ берегу рѣки Карсъ-Чая, была расположена сѣвернѣе города на *Чалмахскихъ* высотахъ. Для связи между этими постройками и обороны пространства между ними, былъ возведенъ редутъ, называвшійся центральнымъ (Ташмасъ-Табіа), и нѣсколько отдѣльныхъ люнетовъ. На правомъ берегу Карсъ-Чая, на *Карадагскихъ* высотахъ, также были возведены укрѣпленія, а часть крѣпости, лежащая на равнинѣ, усилена тройнымъ рядомъ окоповъ. Протяженіе всей оборонительной линіи составляло 13 верстъ.

Кромѣ крѣпости собственно, Карсъ имѣетъ цитадель Нарынъ-Кале и три предмѣстья: Орта-Капи, Байрамъ-паши и Армянское (*). Цитадель, по своему мѣстоположенію и силѣ укрѣп-

(*) Происхожденіе Карса скрывается въ глубокой древности. Онъ былъ столицею армянскихъ царей дома Багридитовъ, съ 928—961 по Р. Х., когда Мухетъ образовалъ здѣсь независимое государство, которое ввукъ его Кахитъ уступилъ, въ 1044 году, императору Константину Дукѣ. Отъ Византійцевъ Карсъ перешелъ въ руки Сельджуковъ, потомъ къ Монголамъ, Персіанамъ и наконецъ оттоманскимъ Туркамъ. Карсская крѣпость построена султаномъ Амуратомъ III, во время войны его съ Персами, между 1578 и 1589 годами.

Знаменитый персидскій завоеватель Тамасъ-Кули-Ханъ (шахъ Надиръ), разбивъ наголову Турокъ подъ стѣнами Карса въ 1735 г., не могъ овладѣть крѣпостію.

Въ 1828 г., графъ Паскевичъ взялъ Карсъ штурмомъ.

Карсъ расположенъ на р. Карсъ-Чаѣ, въ 180 верстахъ отъ Арзерума и въ 80 отъ русской крѣпости Александрополя.

леній, считается неприступнѣйшимъ пунктомъ. Крѣпость, въ которой находились главныя помѣщенія жителей окрестныхъ деревень и которая, сверхъ того, дала убѣжище многимъ обитателямъ, состоитъ изъ двойнаго ряда зубчатыхъ стѣнъ, фланкируемыхъ пушечною обороною изъ четырехугольныхъ башенъ одной и изъ каменныхъ бастіоновъ другой стѣны. Но сила Карса заключалась не въ древнихъ его стѣнахъ и башняхъ, а въ высотахъ, окружающихъ городъ и командующихъ имъ, которыми современное искусство умѣло такъ хорошо воспользоваться. Карсъ 1855 года не былъ похожъ на Карсъ 1828 года. Гарнизонъ состоялъ изъ регулярнаго, обученнаго и обстрѣляннаго войска, а не изъ нестройныхъ полчищъ, которымъ, въ 1828 году, несмотря на личную храбрость каждаго кавалериста и пѣхотинца, отдѣльно взятаго, трудно было противиться силѣ русской тактики и дисциплины.

Въ маѣ 1855 года, гарнизонъ Карса имѣлъ подъ ружьемъ свыше 30,000 человекъ, подъ начальствомъ Вассифъ-Паши. Но душою всей обороны и главнымъ лицомъ въ Карсѣ былъ не паша, а полковникъ Вилліамсъ, великобританскій комиссаръ при анатолійской арміи.

Главныя силы гарнизона были расположены лагеремъ на Шорахскихъ высотахъ, господствующихъ надъ всею окрестною мѣстностію и составлявшихъ ключъ къ обладанію Карсомъ.

Нѣсколько рекогносцировокъ убѣдили генерала Муравьева въ силѣ непріятельской позиціи, и, вмѣсто атаки открытою силою, рѣшено было принудить Карсъ къ сдачѣ — блокадою, отрѣзавъ ему всѣ сообщенія съ Арзерумомъ и окрестною страной. Съ началомъ блокады, высланы были партизанскіе отряды, которые уничтожили обширныя склады зерноваго хлѣба, муки и фуража во многихъ пунктахъ по дорогамъ въ Арзерумъ. Большіе транспорты съ сухарями и рисомъ были захвачены генераломъ Баклановымъ и раздѣлены между войсками блокаднаго корпуса.

Въ іюлѣ, въ Карсѣ обнаружился уже недостатокъ въ продовольствіи, котораго было заготовлено для войскъ, при началѣ блокады, только на 40 дней.

Генералъ Вилліамсъ напрасно сносился съ турецкимъ правительствомъ, требуя диверсіи во флангъ и тылъ русской арміи, высадкою войскъ въ Трербизондѣ: на его требованіе отвѣчали молчаніемъ.

А, между тѣмъ, голодъ дѣлался все болѣе и болѣе ощутителенъ въ блокированномъ городѣ, положеніе котораго становилось каждый день тягостнѣе. Рационы войскъ были убавлены, у обитателей отбирались съѣстные припасы, посредствомъ реквизицій, для склада въ казенные магазины и выдачи гарнизону. Базары опустѣли. Достаточные жители тщательно скрывали свои запасы; чернъ голодала.

Оказался также недостатокъ фуража: около города все было выкошено и вытоптано. На дальнія фуражировки пускались съ большимъ опасеніемъ. Казаки зорко стерегли и смѣло преслѣдовали фуражировъ вплоть до самыхъ стѣнъ Карса.

Въ августѣ, Омеръ-Паша сталъ готовиться къ высадкѣ. Изъ Батума прислалъ онъ въ Карсъ извѣстіе о своемъ предположеніи и паденіи Севастополя. Лазутчикъ искусно прокрался ночью мимо нашихъ передовыхъ постовъ и разъѣздовъ и принесъ въ Карсъ радостное для нашихъ непріятелей извѣстіе.

Голодъ и холера, между тѣмъ, сильно свирѣпствовали въ городѣ. Пораженіе кавалеріи, высланной изъ Карса по недостатку фуража, и пораженіе Али-Паши при Пенякѣ были печальными для непріятеля событіями въ августѣ мѣсяцѣ. Энергія Турокъ начала ослабѣвать; многіе уже отчаявались въ спасеніи Карса.

Вѣсть отъ Омера-Паши оживила всѣхъ. Турки праздновали день полученія счастливыхъ извѣстій салютаціонной пальбой и начали ожидать скорого конца блокады.

Но пронипательный Вилліамсъ угадывалъ, что прежде прибытія Омера-Паши и ранѣе, чѣмъ Селимъ-Паша совершитъ свое движеніе отъ Арзерума, русскій главнокомандующій, знавшій крайне стѣсненное положеніе города, сдѣлаеть рѣшительную попытку къ овладѣнію Карсомъ. Не увлекаясь общею радостію, онъ приказалъ войскамъ соблюдать большую осторожность, особенно въ ночное время, и ожидать нападенія Русскихъ.

Предположеніе Вилліамса оправдалось: на разсвѣтѣ 17 сентября, Русскіе почти на всѣхъ пунктахъ атаковали укрѣпленія и, послѣ жестокаго и кровопролитнаго боя, были отбиты.

Русскій главнокомандующій, получивъ извѣстіе о высадкѣ Омера-Паши и о намѣреніи его идти къ Карсу чрезъ аджарскіе санджаки, гдѣ начали чинить дороги для прохода турецкихъ войскъ, и узнавъ о движеніи Селима-Паши отъ Арзерума, рѣшился взять Карсъ штурмомъ. Созванный генераломъ Муравье-

вымъ военный совѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, былъ согласенъ съ мнѣніемъ главнокомандующаго. Намѣреніе штурмовать крѣпость хранилось въ величайшей тайнѣ, и только 16 числа вечеромъ войска узнали, что пойдутъ въ дѣло.

Для атаки Шорахскихъ высотъ, ключа къ обладанію Карсомъ, назначены были три колонны: колонна генерала Ковалевскаго должна была штурмовать правый флангъ неприятельскихъ укрѣпленій, колонна генерала Майделя — лѣвый. Для большей совокупности дѣйствій обѣихъ колоннъ, была составлена промежуточная колонна — генералъ-лейтенанта князя Гагарина.

Для поддержанія главной атаки и отвлеченія вниманія неприятеля отъ Шорахскихъ высотъ, войска, находившіяся подъ командою генерала Базина, должны были, одновременно съ движеніемъ Ковалевскаго, Майделя и князя Гагарина, устремиться на Тчахмахскія укрѣпленія.

Колонна генералъ-майора графа Нирода, составленная изъ одной только кавалеріи, была предназначена для дѣйствій на правомъ берегу рѣки Карсъ-Чая.

Колонна генералъ-лейтенанта Бриммера (резервная) должна была наблюдать за сѣвѣрною стороною Карса. Вся тяжесть боя легла на войска, атакующія Шорахскія высоты, и преимущественно на колонну генерала Майделя, которая, въ этотъ день, оказала чудеса храбрости.

Неудачу штурма можно объяснить:

- 1) Готовностію Турокъ къ нападенію Русскихъ.
- 2) Слабымъ составомъ колоннъ. Ни одна колонна не могла утвердиться въ занятыхъ укрѣпленіяхъ.
- 3) Потерею главныхъ и частныхъ начальниковъ.
- 4) Несвоевременнымъ подкрѣпленіемъ колонны генерала Майделя. Турки, отразивъ колонны Ковалевскаго и князя Гагарина, сосредоточили весь огонь по колоннѣ генерала Майделя, которая, вмѣсто продолженія предпринятой ею атаки, съ трудомъ удерживала напоръ Турокъ (*).

Штурмъ этотъ дорого намъ стоилъ. Изъ строя выбыло: 4 генерала ранеными (одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ), 249 штабъ и оберъ офицеровъ и 6,500 нижнихъ чиновъ убитыми и ране-

(*) Колонна генералъ-майора Майделя, отъ восьми до двѣнадцати часовъ утра, получила подкрѣпленія 8 баталіоновъ, но, несмотря на это, ничего не могла сдѣлать, и всѣ попытки овладѣть редутами были безуспѣшны.

А, между тѣмъ, голодъ дѣлался все болѣе и болѣе ощутителенъ въ блокированномъ городѣ, положеніе котораго становилось каждый день тягостнѣе. Рационы войскъ были убавлены, у обитателей отбирались съѣстные припасы, посредствомъ реквизицій, для склада въ казенные магазины и выдачи гарнизону. Базары опустѣли. Достаточные жители тщательно скрывали свои запасы; чернь голодала.

Оказался также недостатокъ фуража: около города все было выкошено и вытоптано. На дальнія фуражировки пускались съ большимъ опасеніемъ. Казаки зорко стерегли и смѣло преслѣдовали фуражировъ вплоть до самыхъ стѣнъ Карса.

Въ августѣ, Омеръ-Паша сталъ готовиться къ высадкѣ. Изъ Батума прислалъ онъ въ Карсъ извѣстіе о своемъ предположеніи и паденіи Севастополя. Лазутчикъ искусно прокрался ночью мимо нашихъ передовыхъ постовъ и разъѣздовъ и принесъ въ Карсъ радостное для нашихъ непріятелей извѣстіе.

Голодъ и холера, между тѣмъ, сильно свирѣпствовали въ городѣ. Пораженіе кавалеріи, высланной изъ Карса по недостатку фуража, и пораженіе Али-Паши при Пенякѣ были печальными для непріятеля событіями въ августѣ мѣсяцѣ. Энергія Турокъ начала ослабѣвать; многіе уже отчаявались въ спасеніи Карса.

Вѣсть отъ Омера-Паши оживила всѣхъ. Турки праздновали день полученія счастливыхъ извѣстій салютаціонной пальбой и начали ожидать скорого конца блокады.

Но пронырливый Вилліамсъ угадывалъ, что прежде прибытія Омера-Паши и ранѣе, чѣмъ Селимъ-Паша совершитъ свое движеніе отъ Арзерума, русскій главнокомандующій, знавшій крайне стѣсненное положеніе города, сдѣлаетъ рѣшительную попытку къ овладѣнію Карсомъ. Не увлекаясь общою радостію, онъ приказалъ войскамъ соблюдать большую осторожность, особенно въ ночное время, и ожидать нападенія Русскихъ.

Предположеніе Вилліамса оправдалось: на разсвѣтѣ 17 сентября, Русскіе почти на всѣхъ пунктахъ атаковали укрѣпленія и, послѣ жестокаго и кровопролитнаго боя, были отбиты.

Русскій главнокомандующій, получивъ извѣстіе о высадкѣ Омера-Паши и о намѣреніи его идти къ Карсу чрезъ аджарскіе санджаки, гдѣ начали чинить дороги для прохода турецкихъ войскъ, и узнавъ о движеніи Селима-Паши отъ Арзерума, рѣшился взять Карсъ штурмомъ. Созванный генераломъ Муравье-

вымъ военный совѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, былъ согласенъ съ мнѣніемъ главнокомандующаго. Намѣреніе штурмовать крѣпость хранилось въ величайшей тайнѣ, и только 16 числа вечеромъ войска узнали, что пойдутъ въ дѣло.

Для атаки Шорахскихъ высотъ, ключа къ обладанію Карсомъ, назначены были три колонны: колонна генерала Ковалевскаго должна была штурмовать правый флангъ непріятельскихъ укрѣпленій, колонна генерала Майделя — лѣвый. Для большей совокупности дѣйствій обѣихъ колоннъ, была составлена промежуточная колонна—генералъ-лейтенанта князя Гагарина.

Для поддержанія главной атаки и отвлеченія вниманія непріятеля отъ Шорахскихъ высотъ, войска, находившіяся подъ командою генерала Базина, должны были, одновременно съ движеніемъ Ковалевскаго, Майделя и князя Гагарина, устремиться на Тчахмахскія укрѣпленія.

Колонна генералъ-майора графа Нирода, составленная изъ одной только кавалеріи, была предназначена для дѣйствій на правомъ берегу рѣки Карсъ-Чая.

Колонна генералъ-лейтенанта Бриммера (резервная) должна была наблюдать за сѣвѣрною стороною Карса. Вся тяжесть боя легла на войска, атакующія Шорахскія высоты, и преимущественно на колонну генерала Майделя, которая, въ этотъ день, оказала чудеса храбрости.

Неудачу штурма можно объяснить:

- 1) Готовностію Турокъ къ нападенію Русскихъ.
- 2) Слабымъ составомъ колоннъ. Ни одна колонна не могла утвердиться въ занятыхъ укрѣпленіяхъ.
- 3) Потерею главныхъ и частныхъ начальниковъ.
- 4) Несвоевременнымъ подкрѣпленіемъ колонны генерала Майделя. Турки, отразивъ колонны Ковалевскаго и князя Гагарина, сосредоточили весь огонь по колоннѣ генерала Майделя, которая, вмѣсто продолженія предпринятой ею атаки, съ трудомъ удерживала напоръ Турокъ (*).

Штурмъ этотъ дорого намъ стоилъ. Изъ строя выбыло: 4 генерала ранеными (одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ), 249 штабъ и оберъ офицеровъ и 6,500 нижнихъ чиновъ убитыми и ране-

(*) Колонна генералъ-майора Майделя, отъ восьми до двѣнадцати часовъ утра, получила подкрѣпленія 8 баталіоновъ, но, несмотря на это, ничего не могла сдѣлать, и всѣ попытки овладѣть редутами были безуспѣшны.

ными. Убитые составляли почти половинное число общей потери.

Потерю Турокъ Вилліамсъ опредѣляетъ въ 1,094 человекъ. По донесенію генераль-адъютанта Муравьева, потеря непріятеля простиралась до 4,000 человекъ.

Турки шумно праздновали свой боевой успѣхъ. Имъ казалось, что, не далѣе, какъ на другой день, исчезнуть у нихъ изъ вида палатки русскаго лагеря, уже четыре мѣсяца бѣлѣвшіяся подъ городомъ. Но надежда ихъ не оправдалась.

Омеръ-Паша произвелъ неудачное движеніе, въ Мингреліи, къ Кутаису. Селимъ-Паша вернулся въ Арзерумъ. Карскій гарнизонъ снова былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ.

Между тѣмъ, къ голоду и болѣзнямъ присоединилось для непріятеля третье бѣдствіе — холодъ. Турки не имѣли теплой одежды, терпѣли недостатокъ въ дровахъ, а ночные холода по высотамъ были весьма чувствительны. Они разломали цѣлый кварталъ старыхъ строеній на дрова.

Предвѣстники зимы, первые морозы, покрывавшіе бѣлымъ инеемъ карскія высоты и равнины, заставили нашихъ солдатъ одѣться въ полушубки и папахи. Солдаты, какъ дѣти, радовались зимнему наряду и готовились къ зимовью.

Палатки начали постепенно убирать, и на ихъ мѣстахъ появлялись теплыя землянки. Строенія всѣхъ окрестныхъ деревень, оставленныхъ жителями, были разобраны для этихъ построекъ. Лѣсъ привозили также съ Саганлуга. Въ каждой части войскъ устраивались склады дровъ и фуража. Рядъ высокихъ каменныхъ столбовъ обозначалъ дорогу отъ русскаго стана къ Александрополю. По пути были устроены казачьи посты, пѣхотные этапы и помѣщенія для проѣзжающихъ.

Арбные транспорты чаще и чаще повторяли свои путешествія. Въ лагерѣ было припасено провіанта на нѣсколько мѣсяцевъ.

Турки изъ-за стѣны крѣпости видѣли превращеніе русскаго лагеря въ быстро разросшійся городъ, надъ которымъ каждое утро взвивались тысячи дымковъ. Они знали о намѣреніи Русскихъ зимовать въ виду Карса и начали серьезно задумываться надъ своею будущею участью.

Побѣги въ непріятельскихъ войскахъ усиливались. Самыя строгія мѣры Вилліамса не могли ихъ прекратить. Бѣдствія солд-

дать и жителей достигли крайнихъ предѣловъ. Несмотря на то, о сдачѣ крѣпости никто еще не думалъ. Первое слово объ этомъ было сказано самимъ Вилліамсомъ. Онъ рѣшился начать переговоры съ генераломъ Муравьевымъ.

По капитуляціи, подписанной обѣими сторонами, гарнизонъ Карса сдался военноплѣннымъ. Войска наши вступили въ городъ и заняли караулы. Все военное имущество было описано и сдано намъ.

Походъ 1855 г. былъ оконченъ. Нельзя не отдать справедливости мужественной оборонѣ Турокъ. Голодъ, холера и разныя болѣзни, холодныя осенніе мѣсяцы, при недостаткѣ теплой одежды и дровъ, не могли поколебать храбраго гарнизона. Они сдались, когда не было физической возможности держаться долѣе, и когда убѣдились, что помощи, въ теченіе всей зимы, не отъ кого было ожидать. Окончивъ общій обзоръ блокады Карса въ 1855 году, мы перейдемъ теперь къ частному эпизоду карскаго штурма. Пусть читатель проститъ намъ откровенный и безыскусственный разсказъ.

I.

16 сентября, въ 8 часовъ вечера, мы получили приказаніе быть готовыми къ походу и имѣть на два дня сухарей на людяхъ. Въ теченіе продолжительной блокады Карса, приказанія быть готовыми къ походу получались часто: мы къ нимъ привыкли и скоро исполняли распоряженія, относившіяся до нашихъ походныхъ сборовъ. Но незначительное количество сухарей на людяхъ заставляло предполагать, что движеніе будетъ недалеое, и мысль о близкой встрѣчѣ съ непріателемъ воодушевляла каждаго изъ насъ.

Мѣшкать было некогда. Въ 9 часовъ, было приказано выстроиться нашимъ баталіонамъ впереди лагеря Бѣлевскаго полка и быть готовыми къ выступленію. Мы уложили свои выюки; деньщики и вѣстовые сѣдали лошадей. Солдаты суетились въ палаткахъ, укладывали торбы, осматривали ружья и сумы, сдавали остающіяся вещи людямъ, назначеннымъ для присмотра за палатками во время нашего отсутствія. Сумерки ложились на лагерь. Многіе солдаты толпились около духановъ. Вскорѣ всѣхъ потребовали къ расчету: ротные командиры сказали своимъ

людямъ, что можно ожидать дѣла съ непріателемъ, что надѣются на нихъ, какъ на старыхъ солдатъ, бывшихъ въ огнѣ и уже знакомыхъ съ Турками, подтвердили, чтобы слушались команды, не отдѣлялись отъ своей части и не стрѣляли попусту.

Заря была пробита; въ лагерѣ совершенно стемнѣло; звѣзды загорѣлись на ясномъ небѣ. Приказали становиться въ ружье.

У насъ было по 25 рядовъ во взводахъ. Люди были одѣты въ шинеляхъ, имѣя подъ шинелями короткій полушубокъ, въ походныхъ сапогахъ, въ фуражкахъ съ козырькомъ; за плечами несли мѣшокъ съ сухарями и шанцевый инструментъ. Когда весь полкъ собрался вмѣстѣ, полковой командиръ нашъ, полковникъ Шликевичъ, сдѣлавъ короткое наставленіе людямъ, командовалъ: «шапки долой, молись, ребята», и шопотъ солдатской молитвы пронесся надъ колоннами. Весьма многіе изъ молившихся не должны были вернуться въ лагерь. Насъ повели на сборное мѣсто колонны генераль-лейтенанта Ковалевскаго (*), которое, какъ я уже сказалъ выше, было назначено впереди лагеря Бѣлевскаго полка. Вскорѣ мы увидали толпу всадниковъ, приближавшихся къ намъ. Это былъ генераль. За нимъ ѣхала большая свита и вели нѣсколько лошадей. Ковалевскій подъѣхалъ къ нашимъ баталіонамъ и обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами: «Ребята! Вы идете на славное дѣло, на дѣло, о которомъ будетъ говорить вся Россія: вы идете брать Карсъ. Я надѣюсь, вы будете драться какъ храбрые солдаты.»

Отдавъ приказаніе, чтобы шли безъ шума, соблюдая совершенную тишину, съ опущенными внизъ штыками (**), генераль поѣхалъ впередъ; за нимъ тронулись наши баталіоны, имѣя между 2 и 3 баталіонами дивизионъ батарейныхъ орудій.

Остророгій мѣсяцъ только что подымался изъ-за дальнихъ высотъ; косвенные его лучи освѣщали наши колонны и бросали отъ нихъ длинныя тѣни. Лагерь нашъ уходилъ вдаль въ неясныхъ образахъ; тамъ и сямъ мелькали въ немъ ночные

(*) Колонна генерала Ковалевскаго слѣдовала изъ главнаго лагеря при селеніи Тикмэ лѣвою стороною равнины р. Карсъ-Чая по направленію къ Шорахскимъ высотамъ, лежащимъ къ западу отъ Карса. Войдя въ дефиле, поперекъ котораго проходитъ дорога изъ Карса въ Ольту, она повернула лѣвымъ плечемъ и атаковала правый флангъ шорахскихъ укрѣпленій.

(**) Отблескъ мѣсяца на нашихъ штыкахъ могъ бы возбудить вниманіе непріятельскихъ часовыхъ.

костры; изрѣдка доносился лай собакъ, стерегущихъ гурты перціоннаго скота. Ночь была тихая и ясная; воздухъ былъ наполненъ какимъ-то невнятнымъ глухимъ гуломъ, отъ одновременнаго движенія большихъ массъ людей.

Солдаты шли молча, полнымъ широкимъ шагомъ. Офицеры верхами, съѣхавшись по два и по три, слѣдовали съ боку баталіоновъ и вели вполголоса свою бесѣду. Ночная тишина и безмолвное шествіе колоннъ нарушались иногда бряцаніемъ орудія, наѣхавшаго на камень, и лаемъ собакъ, сопровождавшихъ колонну, когда онѣ гонялись за спугнутымъ звѣремъ. Повременамъ чайки по болотнымъ лугамъ съ печальными криками оставляли свой ночлегъ....

Трудно передать чувства, наполняющія душу за нѣсколько часовъ до сраженія. Идя первый разъ въ дѣло и не имѣя точнаго, яснаго понятія обо всѣхъ опасностяхъ боя, ждешь его болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ неизбежнымъ внутреннимъ томленіемъ; но мысли невольно обращаются къ прошедшему и рисуютъ его въ привлекательныхъ образахъ, мысль о близкихъ сердцу заставляетъ его биться сильнѣе. Грусть примѣшивается къ любопытному ожиданію. Человѣкъ находится въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи.

Движеніе наше происходило большею частію по ровнымъ мѣстамъ; встрѣчались иногда болотные луга, ручьи. Вдали, вправо, чернѣлись высоты. Ночной холодъ становился весьма ощутителенъ: многіе офицеры спѣшились. На высотахъ по лѣвую отъ насъ сторону заблестали бивуачные огни кавалерійскаго лагеря генералъ-маіора князя Дондукова-Корсакова. Здѣсь присоединились къ намъ драгуны и казаки.

Вправо отъ насъ показался аулъ съ небольшимъ минаретомъ (жители аула бѣжали въ Карсъ, при началѣ блокады), темные массы горъ стали яснѣе обрисовываться. Знакомые съ мѣстностію говорили, что мы огибаемъ Шорахскія высоты. Приказано было соблюдать еще большую тишину.

Мы повернули лѣвымъ плечемъ. Вскорѣ нашу колонну остановили въ небольшой лощинѣ. Баталіоны выстроились въ двѣ линіи и составили ружья. Намъ дали два часа отдыха. Большая часть солдатъ, утомленныхъ ночнымъ переходомъ, улеглись спать за ружьями, невзирая на ощутительный холодъ и близость встрѣчи съ непріателемъ. Нѣкоторые изъ нихъ собрались

въ кучки и разговаривали шопотомъ. Артиллерійскія лошади стояли понури голову и тоже дремали. Близокъ или далеку не-пріятель, мы не знали навѣрно.

Въ этой тишинѣ, замѣнившей собою глухой гулъ движенія многихъ баталіоновъ, было что-то торжественное: это было за-тишь передъ грозой.

По прошествіи двухъ часовъ, генералъ Ковалевскій потребо-валъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ нашего полка и, когда мы со-брались, обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «Господа! главнокомандующій сдѣлалъ мнѣ и вамъ большую честь, назна-чивъ Виленскій полкъ въ первую линію. Я надѣюсь, вы оправ-даете это довѣріе. Мы пойдемъ въ атаку ротными колоннами. Какимъ бы огнемъ насъ ни встрѣтили, не отвѣчать на огонь, а прибавлять шагъ и штыками выбить не-пріятеля изъ укрѣпленій. Ранеными не заниматься, не отдѣлять для этого людей изъ фронта: задніе подберутъ. Назначить по 12 человекъ охотни-ковъ отъ каждой роты. Идя впереди своихъ ротъ, они будутъ служить примѣромъ для прочихъ.—Господа! сказалъ генералъ въ заключеніе своихъ словъ: — я надѣюсь на васъ, передайте мои слова вашимъ людямъ.»

Стали въ ружье. Ротные командиры передали слова генерала людямъ и вызвали охотниковъ: ихъ выходило болѣе половины роты, и изъ вызвавшихся уже назначали болѣе надежныхъ людей. Солдаты были одушевлены боевою отвагою. Строго подтвердили имъ, чтобы безъ приказанія или сигнала не смѣли открывать огня, соблюдали тишину и слушали команду. Потомъ пере-строились въ ротныя колонны, и, когда всѣ заняли свои мѣста, наши боевыя линіи тронулись. (*) Свѣтъ мѣсяца, достигшаго полной высоты своей, придавалъ нашему шествію таинственный видъ; безмолвно, какъ тѣни, двигались сѣрыя массы баталіоновъ и ротъ по волнистой мѣстности.

Въ эти торжественныя часы ночи, много думъ перебивало въ головѣ, много воспоминаній воскресало въ воображеніи; мысли

(*) Боевой порядокъ колонны генерала Ковалевскаго былъ слѣдующій: въ пер-вой линіи—1-й и 2-й баталіоны Виленскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ; между ними—четыре батарейныя орудія; 3-й баталіонъ Виленскаго полка въ колоннѣ къ атакѣ долженъ былъ занять промежутокъ между первыми двумя баталіонами, ко-гда пойдутъ въ атаку, а артиллерія останется на позиціи. Во второй линіи — два баталіона Бѣлевскаго полка; въ резервѣ—драгуны и казаки.

не рѣшались затрогивать неизвѣстное и загадочное будущее и предавали его на волю Божію. Ночь подходила уже къ концу— часть встрѣчи былъ близокъ. Мы спустились въ довольно глубокою лощину. Какъ только первая линія достигла противоположнаго ската этой лощины, насъ остановили и приказали лечь. Орудія осторожно снялись съ передковъ; прислуга стала по мѣстамъ, готовая немедленно открыть огонь. Все замерло въ ожиданіи начала боя. Съ гребня лощины была видна впереди лежащая возвышенность, которую намъ слѣдовало атаковать. Заря начинала чуть заниматься. Генералъ выжидалъ, чтобы колонна генераль-маіора Майделя повела атаку и привлекла на себя вниманіе непріятеля: намъ, согласно диспозиціи, тогда лишь слѣдовало трогаться. Но мы сами дали знать Туркамъ о своемъ присутствіи: солдатъ 2 роты 1 Виленскаго баталіона, надѣвая капсюль на ружье, сдѣлалъ нечаянный выстрѣлъ, ранилъ товарища и встревожилъ непріятеля. Мы услышали съ непріятельской стороны отдаленный звукъ сигнальнаго рожка. Черезъ нѣсколько минутъ на высотѣ впереди насъ вспыхнулъ огонекъ, блеснуло пламя, и ночная тишина нарушилась гуломъ выстрѣла изъ орудія большого калибра. Граната, описавъ огненную параболу, сдѣлала рикошетъ черезъ наши головы и лопнула въ рядахъ драгунъ. Вслѣдъ же затѣмъ пламя выстрѣловъ начало вспыхивать на многихъ точкахъ высотъ, и гранаты, крестя небо по всѣмъ направленимъ, то лопались въ нашихъ рядахъ, то рикошетировали черезъ колонны. Гулъ непріятельской стрѣльбы, заунывный визгъ гранатъ и звукъ отъ ихъ разрыва слился съ гуломъ выстрѣловъ нашихъ батарейныхъ орудій. Насъ занесло дымомъ... По первому нашему выстрѣлу, громкій голосъ закричалъ: «вставай! маршъ!» Солдаты вскочили, колонны тронулись штурмовымъ шагомъ, барабанщики забили бой въ атаку. Солдаты, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, шли молодцами. Ковалевскій и Шликевичъ, со своими штабами, ѣхали впереди; за ними двигались колонны, подъ глухой рокотъ барабана. Наши батарейныя орудія, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, замолчали. Штуцерныя пули засвистали кругомъ насъ. Ряды наши начали убывать: солдаты и офицеры валялись, пораженные непріятельскими выстрѣлами; на убитыхъ и раненыхъ не обращали вниманія. «Сомкнись, ребята! прибавь шагу!» твердили офицеры, идя передъ колоннами. Мы начали подниматься на высоту. «Ура!»

раздалось впереди, и съ громкимъ оглушительнымъ побѣднымъ крикомъ бросились наши на гору, рассчитывая скоро выбраться изъ-подъ губительнаго огня и схватиться съ непріателемъ на штыкахъ.

Но расчетъ этотъ оказался ошибочнымъ: крутая гора, устѣянная крупными камнями, тянулась на большее разстояніе, чѣмъ мы ожидали. Пробѣжавъ по ея подъему, сколько было силъ, мы снова пошли шагомъ, едва переводя духъ отъ усталости. Трескъ батальнаго огня сдѣлался гораздо яснѣе. Мы сквозь дымъ могли различать темную массу бруствера, увѣнчанаго огненнымъ гребнемъ; мѣстами изъ него вырывалось яркое пламя пушечныхъ выстрѣловъ. Картечь завизжала и запрыгала въ нашихъ рядахъ, рикошетируя по каменистой почвѣ. Мы попали подъ сильнѣйшій перекрестный огонь, и, въ буквальномъ смыслѣ слова, были осыпаны градомъ картечь и пуль.

Еще не совершенно разсвѣло. Дымъ, стлавшійся по всему скату горы, увеличивалъ темноту, среди которой нельзя уже было различать своихъ людей. Трескъ и гулъ выстрѣловъ, стоны раненыхъ, ободрительные крики офицеровъ, прерывавшійся и возобновлявшійся барабанный бой,—все это слилось въ адскій боевой концертъ, производившій на душу потрясающее дѣйствіе. Солдаты валились уже не поодиначкѣ, а кучами другъ на друга. Вторая линія ротныхъ колоннъ смѣшалась съ первою; крики «ура» умолкли. Въ ту критическую минуту, когда мы были въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ линіи непріятельскихъ укрѣпленій, колонны наши (если только можно такъ выразиться о нестройной массѣ солдатъ, валившихъ впередъ) замялись и, вмѣсто того, чтобы стремительно броситься къ брустверу, убавили шагъ, смущенные жестокимъ огнемъ. Подъ Ковалевскимъ и Шликевичемъ были убиты лошади. Съ шашками наголо бросились они впередъ, ободряя словами и собственнымъ примѣромъ потерявшихся людей. Офицеры (ихъ оставалось въ строю уже весьма немного) и нѣкоторые солдаты послѣдовали за старшими начальниками. Нѣсколько человекъ охотниковъ успѣли вскочить на брустверъ, но были исколоты штуцерными кортиками. Ковалевскій, смертельно раненный, съ трудомъ былъ вынесенъ изъ этого побоища; Шликевичъ убитъ у спуска въ ровъ. Въ эти роковыя минуты, сзади начали стрѣлять, и это окончательно погубило дѣло. Солдаты, попавъ между двухъ огней,

бросились наземь, залегли за каменьями, за грудами труповъ своихъ товарищей, за убитыми лошадьми и, отвѣчая на непріятельскіе выстрѣлы, открыли частый огонь, но вскорѣ, видя, что помощи нѣтъ, и предчувствуя, что дѣло проиграно, прекратили свои выстрѣлы и, подъ завѣсою густаго дыма, начали отступать, молча, пригнувшись и устилая своими тѣлами весь скатъ горы. На пути ихъ отступленія раздавались глухіе стоны раненыхъ, которыхъ некому было вынести съ мѣста сраженія. Ангель смерти парилъ надъ этимъ побоищемъ.

Все дѣло длилось не болѣе получаса; но оно долго останется въ памяти тѣхъ, кому несповѣдимый промыслъ Божій сохранилъ жизнь въ эти роковыя минуты.

Солнце только что показалось надъ Шоракскими высотами, когда за чертою выстрѣловъ собрались слабые остатки Виленскаго полка, подъ командою штабсъ капитана. Когда бой умолкъ, они были направлены въ лагерь генераль-маіора князя Дондукова-Корсакова, гдѣ ихъ разсчитали въ одинъ баталіонъ.

II.

Длинною вереницею потянулись раненые къ главному лагерю. Нѣкоторые успѣли быть на перевязочномъ пунктѣ; но большая часть наскоро перевязывалась товарищами, при помощи имѣвшихся на людяхъ перевязочныхъ матеріаловъ. Лазаретныя фуры были заняты ранеными офицерами, изъ которыхъ многіе, за неимѣніемъ мѣстъ въ фурахъ и не найдя своихъ лошадей, тащились пѣшкомъ, съ помощію солдатъ.

На перевязочномъ пунктѣ не было медиковъ: перевязкою раненыхъ усердно занимались фельдшера. Это дѣлалось подъ выстрѣлами. Когда нѣсколько человекъ было на перевязочномъ пунктѣ убито, то его отодвинули назадъ.

Вообще, всѣ разсчитывали на успѣхъ, и предварительныя передъ боемъ распоряженія отзывались непредвидѣнными неудачами. Когда разбитые остатки нашей колонны отступили, раненые, кромѣ тѣхъ, которые могли подняться сами, остались на произволъ непріятеля. Немногіе изъ нихъ, лежавшіе ближе къ предѣльной чертѣ выстрѣловъ, были подняты, посланными для этого казаками.

Раненые останавливались у ручейковъ, болотныхъ канавъ, садились отдыхать, пили воду, поправляли свои перевязки и снова, съ помощію товарищей, тащились далѣе.

Между тѣмъ, пальба на высотахъ вправо отъ атакованнаго нами пункта не прекращалась. Высоты эти были увѣнчаны облаками дыма; полетъ снарядовъ слышался ясно; пальба то уменьшалась, то усиливалась; отъ времени до времени, доносились слухи отдаленнаго «ура».

По полученіи, въ главномъ лагерѣ, извѣстія о неудачномъ исходѣ дѣла, всѣ повозки нашего полковаго и ротнаго обоза были высланы на встрѣчу раненыхъ, которые, много выстрадавъ, при перевозкѣ ихъ, не могли, и прибывъ на мѣсто, получить скорую помощь.

Единственный медикъ, оставшійся въ лагерѣ при полковомъ лазаретѣ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи только двоихъ фельдшеровъ и фельдшерскаго ученика (*). Медикъ перевязалъ сначала офицеровъ, потомъ былъ потребованъ къ генералу Ковалевскому, гдѣ пробылъ долго, перевязывая генерала и офицеровъ его штаба. Только послѣ этого онъ могъ заняться солдатами, около которыхъ, во время его отсутствія, хлопотали фельдшера.

Къ довершенію всего, недостало перевязочныхъ матеріаловъ (по непонятному недоразумѣнію, значительная часть ихъ на двухъ лазаретныхъ фургонахъ попала въ лагерь генералъ-маіора князя Дондукова-Корсакова и не была оттуда своевременно отослана); для перевязокъ стали рвать старья простыни и палатки.

Когда вернулись всѣ повозки, собиравшія раненыхъ, этихъ послѣднихъ начали отправлять въ отрядный госпиталь, находившійся отъ нашего лагеря верстахъ въ пяти.

До сумерекъ слышалась постоянная пальба изъ разряжаемыхъ ружей.

Часу въ третьемъ по полудни, палатка главнокомандующаго, находившаяся на правомъ высокомъ берегу Карсъ-Чая и видная всему лагерю, украсилась знаменами и значками, трофеями колоннъ генераловъ Майделя и Базина.

Къ тому же времени вернулись всѣ войска, ходившія на штурмъ.

Грустно было смотрѣть на опустѣлый лагерь нашего полка. Въ палаткахъ лежали одни раненые и при нихъ немногіе здо-

(*) Въ Виленскомъ полку состояло три медика; изъ нихъ двое находились въ откомандировкахъ.

ровые солдаты, проводившіе ихъ до лагеря. Около офицерскихъ палатокъ сидѣли вѣстовые, оберегая имущество убитыхъ товарищей и начальниковъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ, ночныя цѣпи заняли свои мѣста; казаки и драгунскіе разъѣзды возвращались, не замѣчая ничего особеннаго. Наступила темная ночь, и небо заволось мрачными тучами. Посреди всеобщей тишины, отъ времени до времени, слышались стоны, окликъ часоваго: «кто идетъ?» фырканье лошадей у коновязей и глухой топотъ разъѣзда. За полночь не умолкали еще пушечные выстрѣлы со стороны Карса.

III.

Неудачное дѣйствіе колонны генерала Ковалевскаго можно объяснить огромнымъ урономъ въ людяхъ и потерю командировъ частей и офицеровъ (*).

Старшіе начальники, чтобы воодушевить солдатъ, жертвовали собою и были въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.

Непріятельскія укрѣпленія, расположенныя на крутой высотѣ, затруднявшей быстрое наступленіе штурмующихъ колоннъ, подвергали ихъ, въ то же время, сильному перекрестному огню. Длинная, внутрь поданная курттина, кромѣ своего перекрестнаго огня, обстрѣливала насъ еще фланговыми батареями и укрѣпленіями второй линіи. Право-фланговая батарея примыкала къ скалистымъ обрывамъ и была совершенно обезпечена отъ обходнаго движенія.

Штурмовыя колонны находились болѣе 20 минутъ подъ губительнымъ перекрестнымъ артиллерійскимъ и штурмовымъ огнемъ и до момента рѣшительнаго удара пришли въ совершенное разстройство.

Колонна генерала Ковалевскаго шла на штурмъ безъ стрѣлковой цѣпи. По свойству мѣстности, артиллерія не могла, не по-

(*) Генералъ Ковалевскій былъ смертельно раненъ. Офицеры его штаба почти всѣ ранены; изъ нихъ, старшій адъютантъ штаба 13-й дивизіи оставленъ на полѣ сраженія.

Въ трехъ трехъ-ротныхъ баталіонахъ Виленскаго полка вышло изъ строя убитыми, ранеными и контуженными до 1,000 нижнихъ чиновъ. Убито 3 штабъ-офицера и 6 оберъ-офицеровъ, ранено 13 офицеровъ, контужено 1 штабъ-офицеръ и 7 оберъ-офицеровъ. Въ бѣлевскихъ баталіонахъ потеря въ офицерахъ была почти такая же; нижнихъ чиновъ вышло изъ строя менѣе. Въ кавалеріи и артиллеріи потеря въ людяхъ была незначительна.

ражая наши же войска, поддерживать и облегчать своимъ огнемъ наступленія пѣхоты. Слѣдовательно, ничто не препятствовало Туркамъ безнаказанно сосредоточить сильный огонь по наступающему противнику.

Непріятельскія укрѣпленія были обороняемы на этомъ пунктѣ стрѣлками, вооруженными штуцерами Тувенена. Это были лучшіе турецкія войска (*). Ружейный огонь, открытый слабыми и разрозненными остатками штурмовыхъ колоннъ, не могъ смутить непріятели, сознававшего уже, на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Пѣхотнаго резерва при колоннѣ генерала Ковалевскаго не было. Въ рѣшительную минуту нечѣмъ было поддержать боевыя линіи и ввести въ дѣло нѣсколько свѣжихъ баталіоновъ, пока еще остатки первыхъ пяти баталіоновъ держались на гласисѣ. Кавалерія, по свойству мѣстности, не могла содѣйствовать пѣхотѣ и, кромѣ высланныхъ охотниковъ, не принимала въ бою никакого участія.

Вторая линія не поддержала атаки первой линіи въ рѣшительную минуту. Намъ помнится, что когда мы вышли подъ сильный перекрестный огонь и несли огромныя потери, сзади раздались зловѣщіе крики: «намъ измѣняютъ, намъ однимъ ничего не сдѣлать». Поводомъ къ этимъ крикамъ послужило то, что баталіоны второй линіи, понеся сильную потерю въ людяхъ, не внимали уже голосу своихъ офицеровъ и не шли впередъ. Растерявшіеся солдаты стрѣляли вверхъ, не разбирая, что ранятъ и бьютъ своихъ же. Это послѣднее обстоятельство окончательно смутило людей первой линіи. Быть можетъ, безъ этого случая, при усиліи нѣсколькихъ оставшихся въ строю офицеровъ, нѣкоторые пункты непріятельскихъ укрѣпленій были бы хотя временно заняты.

Составъ отряда генерала Ковалевскаго (пять трехъ-ротныхъ баталіоновъ) былъ слишкомъ слабъ и не соответствовалъ назначенію отряда взять укрѣпленія, расположенныя на столь выгодной для непріятели мѣстности.

Генералъ, рассчитывая на внезапность нападенія и быстроту движенія колонны, не выслалъ впередъ стрѣлковой цѣпи, кото-

(*) При сдачѣ Карса, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ турецкимъ начальствомъ, штуцеровъ было до 3,000. Въ числѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ карскаго гарнизона былъ константинопольскій гвардейскій стрѣлковый баталіонъ, обученный иностранными инструкторами. Опрятность одежды и строгая дисциплина турецкихъ стрѣлковъ достойны удивленія.

рая, хотя и не могла бы нанести неприятелю существеннаго вреда, но, по крайней мѣрѣ, не дозволила бы ему безнаказанно поражать наши колонны. Цѣпь эту можно было составить изъ штурцерныхъ, которыхъ было по 6 человекъ въ каждой ротѣ. Слѣдовательно, въ пяти баталіонахъ ихъ было всего 90 человекъ. 45 парами этихъ штурцерныхъ можно было хорошо прикрыть весь фронтъ первой линіи.

Штурмовыя колонны генераловъ Майделя и Базина дѣйствовали успѣшнѣе: онѣ шли въ атаку подъ покровительствомъ своей артиллеріи; составъ ихъ былъ сильнѣе. Онѣ успѣли, хоть съ значительнымъ урономъ, занять часть неприятельскихъ укрѣпленій. Но все-таки отрядъ генерала Майделя долженъ былъ, послѣ упорнаго боя, отступить передъ сильными массами Турокъ, къ которымъ подоспѣвали вооруженные жители Карса (*). Мингрельцы, Эриванцы, 1-й баталіонъ Рязанскаго полка, кавказскіе стрѣлки и саперы покрыли себя въ этотъ день неувядаемою славою; подвиги ихъ составляютъ блестящую страницу въ боевыхъ лѣтописяхъ. Все, что было въ человѣческихъ силахъ сдѣлать, было ими сдѣлано.

IV.

Солдаты, бывшіе въ плѣну у Турокъ, рассказывали, что, по отступленіи нашихъ колоннъ, неприятель высыпалъ изъ своихъ укрѣпленій и началъ добивать раненыхъ и грабить мертвыхъ тѣла, снимая съ нихъ одежду и обувь. Нѣкоторые изъ раненыхъ только тѣмъ спасались отъ убійцъ, что, притаивъ дыханіе, притворились мертвыми.

Вилліамсъ объѣзжалъ, въ это время, линіи укрѣпленій и благодарилъ неприятельскія намъ войска за стойкость и храбрость. Его присутствіе навремя удерживало Турокъ отъ сценъ грабежа и звѣрства. Онъ разослалъ своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ, чтобы всѣ раненые, оставленные Русскими на полѣ сраженія,

(*) Что касается до колонны генерала Базина, то, занявъ два передовые люнета на Чокмакскихъ высотахъ и видя явную невозможность занять редутъ Вели-Паша-Табія, генералъ рѣшился оставаться на занятой позиціи, въ ожиданіи результата дѣйствій другихъ колоннъ.

Около десяти часовъ утра, получивъ извѣстіе о безуспѣшномъ дѣйствіи первой и промежуточной колоннъ, генералъ Базинъ отступилъ, при чемъ, изъ числа 12 отбитыхъ орудій, три вывезены, а остальные заклепаны.

были немедленно отнесены въ городскіе госпитали, а мертвые погребены въ непродолжительномъ времени.

Солдаты съ благодарностію отзывались о заботливомъ уходѣ англійскихъ докторовъ и объ ихъ терпѣніи при дѣланіи перевязокъ. Несмотря на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, дѣлавшійся весьма чувствительнымъ между гарнизономъ и жителями Карса, раненые наши получали бульонъ и бѣлый хлѣбъ, хотя не всегда въ количествѣ, соотвѣтствующемъ ихъ русскому аппетиту.

Нѣсколько ампутированныхъ нашихъ солдатъ, вернувшихся въ лагерь еще до сдачи Карса, были живыми свидѣтельствами добросовѣстнаго и искуснаго леченія въ непріятельскихъ госпиталяхъ.

Нерадѣіе Турокъ было причиною, что не всѣ убитые были погребены какъ слѣдуетъ: много тѣлъ, особенно вдали отъ укрѣпленій, въ оврагахъ, лощинахъ и между камнями, осталось на съѣденіе собакамъ, хищнымъ птицамъ и звѣрямъ.

Послѣ сдачи Карса, въ теченіе нѣсколькихъ дней, высылались отъ насъ команды для погребенія этихъ печальныхъ остатковъ штурма. Скаты горъ, усѣянные обломками разнаго оружія, лоскутьями одежды, бѣлѣвшими костями и полусгнившими трупами людей и лошадей, производили самое грустное и тягостное впечатлѣніе на душу особъ, посѣтившихъ, въ это время, мѣсто битвы 17 сентября.

По приказанію главнокомандующаго, на полускатѣ Шоракскихъ высотъ были сложены четыре каменные могилы и надъ ними водружены большіе деревянные кресты, въ память павшихъ на полѣ брани.

V.

Оканчивая нашъ несовершенный разсказъ о частномъ эпизодѣ карскаго штурма, мы, въ заключеніе, хотимъ сказать нѣсколько словъ объ одной изъ главныхъ жертвъ этого кроваваго боя — генералѣ Ковалевскомъ. Послѣ мучительной операціи, генералъ Ковалевскій скончался, 21 сентября. Прахъ его покоится на кладбищѣ близъ Александропольской крѣпости, куда его тѣло было перевезено изъ главнаго лагеря. Скромный памятникъ, съ лаконическою надписью, немного скажетъ посѣтителю этого военнаго кладбища, гдѣ погребено столько жертвъ баяндурскаго,

башкадыкъ-ларскаго, кюрукъ-даринскаго и карскаго боя, но вызоветъ много воспоминаній въ душѣ человѣка, знавшаго покойнаго генерала.

Ковалевскій принадлежалъ къ числу боевыхъ служаекъ и былъ врагомъ всякаго педантизма, всякой рутинѣ. Онъ говорилъ, что солдатъ нужно учить тому, что можетъ быть примѣнено ими къ дѣлу во время военныхъ дѣйствій.

Прослужа довольно долго на Кавказѣ, гдѣ имѣлъ нѣсколько удачныхъ дѣлъ съ горами, Ковалевскій хорошо изучилъ всѣ походныя нужды солдата и характеръ кавказской войны.

Онъ былъ въ отношеніи солдатъ заботливъ и попечителенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ грозой для нерадивыхъ и безпечныхъ частныхъ начальниковъ. Малѣйшія подробности солдатскаго быта не ускользали отъ его вниманія. Онъ требовалъ, чтобы все отпускаемое казною получалось нижними чинами сполна, чтобы солдатъ зналъ приходъ и расходъ своихъ артельныхъ и порціонныхъ денегъ, чтобы онъ былъ сытъ и хорошо одѣтъ. По этимъ предметамъ генералъ Ковалевскій не опасался входить съ настоятельными представленіями къ высшему начальству.

Заботясь о хорошемъ содержаніи нижнихъ чиновъ, генералъ требовалъ отъ нихъ и боеваго образованія. Цѣльная стрѣльба и толковое знаніе разсыпнаго строя были предметами постоянной его заботливости въ 1854 и 1855 годахъ, во время стоянки полковъ 13 дивизіи въ г. Ахалцихъ и окрестностяхъ.

Изучивъ на практикѣ военное дѣло съ молодыхъ еще лѣтъ (*), Ковалевскій постоянно слѣдилъ за всѣми измѣненіями, вносившимися въ военное искусство, и былъ замѣчательно начитанный человѣкъ. Онъ обладалъ обширными свѣдѣніями и прекрасною памятью, въ обществѣ былъ любезенъ и увлекателенъ.

Энергическая и кипучая натура Ковалевскаго не терпѣла противорѣчій по службѣ, неисполнительности и нерадѣнія къ своимъ обязанностямъ. Его боялись и уважали. Въ службѣ онъ былъ ласковъ и привѣтливъ со всѣми, исключая лицъ, навлекшихъ на себя его гнѣвъ. Солдаты, видя въ Ковалевскомъ заботливаго начальника, любили его и были ему преданы. Онъ умѣлъ говорить съ ними, и слова его затрогивали солдатскую душу.

(*) Генералъ Ковалевскій, вступа въ службу въ гвардейскую артиллерію, участвовалъ въ кампаніи 1828—1829 г., въ Европейской Турціи.

Въ походѣ Ковалевскій не терпѣлъ, чтобы людей напрасно суетили, тревожили и подгоняли. Онъ жалѣлъ и цѣнилъ солдатскій трудъ. Отсталые обозы, задерживающіе движеніе войскъ, были его антипатією и навлекали своимъ хозяевамъ тьму неприятностей.

Въ дѣлѣ Ковалевскій былъ лично храбръ, распорядителенъ, но слишкомъ горячъ. Въ немъ не было того невозмутимаго хладнокровія, которое въ пылу боя такъ сильно дѣйствуетъ на подчиненныхъ, которое, въ самыя критическія минуты, яснымъ, покойнымъ взглядомъ обнимаетъ весь ходъ дѣла и отдаетъ всѣ нужныя приказанія обыкновеннымъ голосомъ, безъ крика и шума.

Минувшая кампанія открыла обширное поприще боевой дѣятельности генерала Ковалевскаго. Оборона Ахалциха, экспедиція въ Аджарскіе санджаки, занятіе Ардагана, дѣло при Пенякѣ записаны въ военныя лѣтописи. На карсскомъ штурмѣ Ковалевскій увлекся, какъ и всѣ, мыслью объ успѣхѣ, надеждою на внезапность нападенія, и цѣною жизни заплатилъ за неудачное дѣло.

А. О.

17 сентября
1889 года.